

MISCELLANEOUS: СООБЩЕНИЯ, ДИСКУССИИ, РЕЦЕНЗИИ
MISCELLANEOUS: MESSAGES, DISCUSSIONS, REVIEWS

УДК 94

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-1-35-46

Пенской В. В.

**ОБЩИНА: ТЕОРИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ. РАЗМЫШЛЕНИЯ
НАД КНИГОЙ Л.Б. АЛАЕВА «СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА.
“РОМАН, ВСТАВЛЕННЫЙ В ИСТОРИЮ” ...» (М., 2016)
И ДИСКУССИЕЙ ВОКРУГ НЕЕ
НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СРЕДНИЕ ВЕКА»**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы,
85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoy@bsu.edu.ru

Аннотация. Статья представляет собой отклик на недавно вышедшую монографию видного отечественного индолога Л.Б. Алаева, посвященную проблеме общины в истории и историографии, а также на дискуссию на страницах журнала «Средние века» вокруг выдвинутых исследователем тезисов. Характеризуя монографию и материалы дискуссии, автор рецензии попутно высказывает и свои соображения относительно особенностей процесса складывания общины и ее эволюции применительно к европейскому (и русскому) Средневековью и раннему Новому времени.

Ключевые слова: Древность; Средневековье; Новое время; Европа; Россия; община; общинная теория.

V. V. Penskoy

**COMMUNITY: THEORY AND REALITY.
REFLECTIONS ON THE BOOK BY L. B. ALAEV «RURAL
COMMUNITY. "A NOVEL INSERTED INTO HISTORY" ...»
(M., 2016) AND ON THE DISCUSSION AROUND IT
ON THE PAGES OF “THE MIDDLE AGES” JOURNAL**

Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
penskoy@bsu.edu.ru

Abstract. The article is a review of the recently published monograph by L.B. Alaev, a prominent Russian indologist, devoted to the problem of the community in history and historiography, as well as discussions around the abstracts put forward by the researcher on the pages of the Journal "Srednie veka" ("The Middle Ages"). Describing the monograph and discussion materials, the author of the review at the same time expresses his views on the peculiarities of the community building process and its evolution in relation to the European (and Russian) Middle Ages and early Modern times.

Keywords: Antiquity; Middle Ages; Modern; Europe; Russia; community; community theory.

Больше полусотни лет назад, в 1962 г., американский физик и философ Т. Кун писал в работе «Структура научных революций», что «усвоение новой теории требует перестройки прежней и переоценки прежних фактов, внутреннего революционного процесса, который <...> никогда не совершается в один день...». Всякие же попытки внедрения новой научной парадигмы, продолжал он, встречают упорное сопротивление, так как «источник сопротивления лежит в убежденности, что старая парадигма в конце концов решит все проблемы, что природу можно втиснуть в те рамки, которые обеспечиваются этой парадигмой...» [10, с. 30]. Именно эти слова как нельзя лучше характеризуют лейтмотив равно как монографии известного российского индолога Л.Б. Алаева, посвященной проблеме сельской общины [1], так и материалов обсуждения этой работы на страницах журнала «Средние века» [12; 14]. Что любопытно – П.Ю. Уваров, касаясь на страницах «Средних веков» проблемы, поднятой Л.Б. Алаевым, отмечал, что в процессе обсуждения его работы «защитников критикующей *общинной теории* (здесь и далее курсив П.Ю. Уварова. – В.П.) не нашлось», поскольку сегодня никто из солидных историков не руководствуется ею как «универсальной отмычкой» для понимания исторического процесса. Однако сама по себе подвергнутая жесткой критике Л.Б. Алаевым общинная теория никуда не делась, продолжал П.Ю. Уваров, поскольку «слишком многое на ней держалось и в научном, и в околонучном знании». Более того, если среди профессионалов пресловутая «общинная теория» стала своего рода фигурой умолчания (так, к примеру, в современной отечественной историографии нет новых специальных исследований, написанных в нетрадиционном ключе, посвященных генезису и особенностям развития общины в средневековой России и России Нового времени, в лучшем случае «общинная» тематика вкраплена в другие исследования), то «в большинстве наших университетов

студенты в рефератах и докладах демонстрируют приверженность *общинной теории* по той простой причине, что компилируют свои тексты при помощи Интернета, а на ресурсах, представленных в первых ссылках, эта теория и не думала уходить в прошлое» [16, с. 42-43].

«Мертвый тянет живого» – в иных выражениях эту ситуацию (которая подтверждается нашим личным опытом) и не опишешь. В самом деле, сама по себе пресловутая «общинная теория» давно уже стала историографическим казусом. Однако в силу того, что в общедоступной серьезной научной литературе (в особенности в учебной) у нее нет достойного «преемника» (или «преемников»), она продолжает воспроизводиться естественным, описанным выше путем и вербовать новых сторонников и адептов (в особенности среди тех, кто недостаточно осведомлен в последних исследовательских тенденциях в этом, да и не только в этом, направлении). Действительно, принцип экономии мышления предполагает стремление к поиску пресловутой «универсальной отмычки», а общинная теория внешне как раз и представляется достаточно непротиворечивой, простой и, что самое главное, как будто позволяет объяснить суть политических, правовых и социально-экономических процессов и в древности, и в античности, и в Средневековье, и даже в Новом времени (а то и позднее). А если к этому добавить еще и давление авторитетов? И тут уже неважно, есть ли в источниках упоминания об общине или же их там нет – в конце концов, А.Я. Гуревич отмечал в одной из своих статей, что «источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает». И когда историк подступает к источнику, вооруженный «универсальной отмычкой», он без особого труда найдет в нем ответы на интересующие его вопросы, особенно если речь идет об интерпретации древнего текста. Кстати сказать, здесь присутствует и еще одна хроническая «болезнь» отечественной историографии,

на которую указывал всё тот же А.Я. Гуревич – по устоявшейся традиции «далее внешней критики источников дело не идет; если источник не фальсифицирован и в хорошей сохранности, им можно спокойно пользоваться, *выбирая из него нужные отрывки* (курсив мой. – В.П.)». «Вопросы же об общем историческом контексте, – продолжал далее свою мысль историк, – в котором источник появился, о выражении в данном памятнике присущего автору и его времени менталитета обычно перед исследователями не возникают» [7, с. 434, 436]. В результате источник трактуется через призму господствующей на данный момент парадигмы и выдает тот результат, которого от него и ожидает «запрограммированный» изначально (еще со студенческой скамьи) исследователь. В нашем случае это община. Любопытное замечание сделал по итогам дискуссии вокруг исследования Л.Б. Алаева П.Ю. Уваров. Отметив, что многие выступавшие в общем и в целом сперва хвалили обсуждаемую работу, затем они «мягко» указывали на то, что «именно в том регионе, которым взявший слово занимается, община все-таки была...» [16, с. 42].

Так была или не была? И вообще, можно ли так ставить вопрос, говоря о сельской общине? И будет ли ответ на него однозначным? Чтобы сформулировать наше видение ответов на эти вопросы, сперва коснемся вкратце основных тезисов Л.Б. Алаева и структуры его работы.

Основные положения своей концепции, которая нашла отражение в «Сельской общине...», Л.Б. Алаев обнародовал в своих 17-ти «Тезисах, выносимых на защиту» [2]. Выделим из них наиболее важные, на наш взгляд, положения. Прежде всего это первый из них, суть которого заключается в том, что институт общины (и подобных ей образований) нужно изучать на основе источников, но не на основе имеющихся теорий. Банальность, скажете вы, но и в случае с общиной, и в целом ряде других аналогичных ситуаций исследование проблемы нередко осуществляется с

опорой на некую заданную теорию, но не на источник, данные которого «подгоняются» под теорию. В каком-то смысле можно говорить об определенном негативном влиянии историографии проблемы, довлеющей над исследователем, особенно молодым (если верить А.А. Зимину, то Ю.Г. Алексеев полагал в свое время, что «Если читать труды других, то не хватит времени писать собственные» [15, с. 119], и в таком подходе есть весьма здоровое зерно).

Другой, не менее, если не более важный, тезис состоит в том, что, по мнению Л.Б. Алаева, «сельская община, известная нам по историческим источникам, – это институт так называемого классового общества, возникающий в соответствии с потребностями этого общества». Развивая этот тезис дальше, исследователь указывал, что в древнейших сообществах (Месопотамия и Древний Египет) образование государства предшествовало появлению общины, которая, возникнув «в условиях “земельного утеснения” и при увеличении гнета со стороны землевладельцев и/или властей», дальше живет в рамках классового общества, не разлагаясь в нем, но сообразуясь с его развитием, приспосабливаясь к изменениям внутри этого общества.

Отметим также и положение о том, что «общинная теория» Г. Маурера, с которой в каком-то смысле и началось триумфальное шествие «общинной теории» в советской историографии (благодаря К. Марксу, который воспринял основные положения концепции Маурера), оказалась ошибочна, равно как и традиционный взгляд на индийскую общину или общину русскую.

Эти тезисы, так уж получилось, были мною прочитаны прежде, чем сама «Сельская община...», и заранее предопределили угол зрения, под которым анализировалась эта работа. (Впрочем, в определенном смысле я уже был внутренне готов именно к такой постановке вопроса относительно сельской, и не только, общины, заинтересовавшись под влиянием А.Я. Гуревича этой проблемой еще в середине нулевых годов.)

Работа Л.Б. Алаева четко делится на три основных блока: условно методологический (первая глава «Вышли мы все из общины?»), частично вторая, «Германская община – мать всех теорий общины. Противоположных» и четвертая, «Индийская община – символ объективной реальности, данной нам в сочинениях»; «европейский» (главы вторая и третья «Русская община как базис мучительных раздумий о судьбах Родины», и отчасти седьмая «Община в разных странах и эпохах»); «азиатский» (главы пятая и шестая, в которых речь идет об индийской общине в разных ее ипостасях и временах, и частично седьмая). Отметим, что в двух последних блоках присутствует и серьезный критический разбор историографии вопроса применительно к конкретному региону.

Содержание этих глав вполне очевидно, исходя из их названий, что избавляет меня от необходимости подробно характеризовать их содержание. Намного больший интерес представляет заключение к работе. Автор отмечает здесь, что в его намерения вовсе не входило выявление некоей закономерности развития общины, поскольку «она не является единым институтом» (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*), и ее формы не составляют единую линию». И дальше он отмечает, что «речь пойдет о разных институтах, объединяемых в литературе одинаковым понятием «община» (курсив мой. – *В.П.*) ...». Это замечание представляется мне весьма важным – действительно, есть «община» и есть община, если перефразировать классика, и бедность профессионального словаря историков не позволяет в данном конкретном случае четко разделить институты, относящиеся к разным эпохам, разным культурам, наполненные разным содержанием, особенно если принять во внимание, что «община» («общины») – явление историческое, а значит, развивающееся и изменяющееся во времени. На этот момент и обращает внимание своих читателей автор «Сельской общины...» в заключении, когда вопрошает: «Допустимо ли называть одним словом

(«община») совершенно разные по функциям институты» [1, с. 451]? И для меня ответ на этот вопрос очевиден – нет, недопустимо.

К слову сказать, касаясь изменчивости общины, Л.Б. Алаев выделил ряд важнейших факторов, которые оказывали определяющее воздействие на этот процесс, – хозяйственные (под которыми он понимает характер используемых сельским сообществом технологий); географические (природно-климатические, наличие фонда незанятых земель и ряд других); исторические (особенности формирования и последующего развития данного конкретного общества); экономические (обращая внимание в первую очередь на характеристику товарности хозяйства); социально-экономические (связанные с отношениями внутри самой общины и с ее отношениями с внешним миром в лице государства, собственников земли и пр.); социальные и юридические. Все эти причины, отмечает далее Л.Б. Алаев, «действуют одновременно, в сочетании», почему, по его мнению (и в этом мы с ним согласны), «никогда не удастся <...> выработать единую схему развития общины в классовом обществе» [1, с. 442]. Есть «община» и есть община, повторимся еще раз, и этот институт применительно к разным обществам и эпохам будет серьезно различаться.

Любопытным представляется следующий тезис автора. По его мнению, «одним из факторов, искажавших взгляд исследователя на общину, была нацеленность на поиски эволюции, процесса разложения и т.п.». Такая оценка кажется парадоксальной, поскольку со студенческой скамьи требование рассматривать явление в его развитии является одним из важнейших, которое должен усвоить начинающий историк. Это противоречие Л.Б. Алаев разрешает неожиданным образом; такой подход, указывает он, «один из» (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*) подходов, один из углов зрения», тогда как «не меньший потенциал несет и иной взгляд: с точки зрения функционирования существующей структуры»,

поскольку «прежде чем рассуждать об изменениях, о движении куда-то вперед, надо понять, как данная система, со всеми ее противоречиями, *работает* (выделено Л.Б. Алаевым. – *В.П.*) ...» [1, с. 444-445]. Правда, здесь необходимо оговориться, что при таком раскладе исследователь должен сузить поле исторического поиска и хронологически, и территориально, рассмотреть явление под микроскопом, буквально «заморозив» его, остановив его изменения («остановись, мгновенье, ты прекрасно!»). Особенности изучения феномена индийской общины при помощи двух этих подходов и с опорой на источники, а не на историографию проблемы, автор «Сельской общины...» и демонстрирует в пятой (Община в истории Индии. Что знаем?) и шестой («Индийские общины в Новое время. Глазами чужеземцев») главах своего исследования.

Характеризуя «Сельскую общину...» и заложенную в нее авторскую концепцию, я все же не могу не отметить серьезный, на наш взгляд, ее изъян. Есть в концепции некое логическое противоречие. С одной стороны, автор упоминает о классовом сотрудничестве как обычном состоянии общества [1, с. 449], а с другой – подчеркивает особую роль помещика и государства (на примере России) в формировании общины. В изложении Л.Б. Алаева это выглядит как насильственный, вопреки воле крестьян, процесс [см., напр.: 1, с. 74]. Государство и помещик как его уполномоченный «агент» в изложении автора «Сельской общины...» выглядят как некий всемогущий Левиафан, усилием воли творящий нужную им реальность (социальную, экономическую и иную). При этом автор исследования не задается вопросом – а было ли способно государство в XV-XVII вв. на такие действия, обладало ли оно соответствующей «мускулатурой» для того, чтобы быть таким Левиафаном? Между тем не секрет, что в современной историографии давно уже сложился определенный тренд, рассматривающий государства раннего Нового времени (тем более это применимо к более ранним

эпохам) как политические организмы, основанные не только и не столько на насилиии, сколько на сотрудничестве власти и общества (точнее, составлявших его отдельных сообществ-корпораций) [см., напр.: 20]. Это противоречие автор исследования никак не разрешает и, похоже, не замечает, будучи не в курсе существования такого направления в историографии).

Подведем предварительный итог. Главную идею исследования, проделанного Л.Б. Алаевым, выразил в следующих словах уже неоднократно цитировавшийся нами П.Ю. Уваров. «Сельская община...» – книга не о том, что общины не было, и не о том, что такое община (впрочем, отметим от себя, что Л.Б. Алаев формулирует свое видение признаков сельской общины [1, с. 17-19] – *В.П.*), и не только (и не столько) об историографии вопроса. Нет, продолжает свою мысль исследователь, «автор написал (и блестяще написал!) о другом: на каких основаниях возникла *общинная теория*, как одно утверждение автоматически вело за собой другое, как в результате сформировалась и укрепилась *самодостаточная теория, претендующая на универсальность* (курсив мой. – *В.П.*), не только блокирующая историческую интуицию исследователя-эмпирика, но и заставляющая его, невзирая на факты, видеть в обществе прошлого именно то, что и приписывала эта теория...» [16, с. 42]. Само собой, феномен общины (во всех ее ипостасях, временных и пространственных, не говоря уже о прочих), не может быть детально рассмотрен и проанализирован в одной-единственной книге. Однако можно рассчитывать, что появление книги Л.Б. Алаева станет своего рода стимулом к возвращению общинной тематики в исследования отечественных историков, правоведов, культурологов и других гуманитариев, особенно если принять во внимание ту роль, которую сыграла община в русской истории и какая приписывалась и приписывается ей в российской интеллектуальной и политической среде (об этом также пишет в своей работе Л.Б. Алаев).

Здесь как раз стоит вернуться к материалам дискуссии вокруг «Сельской общины...» на страницах журнала «Средние века», о которой мы упоминали в начале этой статьи. Материалы эти весьма любопытны, поскольку демонстрируют широкий диапазон мнений и точек зрения вокруг проблемы общины, а вместе с тем и ее сложности, с которыми сталкиваются исследователи, которые работают (или пробуют работать) над этим вопросом. Так, к примеру, реплика М.В. Винокуровой с характеристикой социально-экономического строя раннесредневековой Англии – тот самый случай, о котором говорил П.Ю. Уваров, когда писал о казусах и регионах, когда община все-таки была [см. 5]. Не оспаривая факты, приводимые автором реплики, отмечу всё же, что они, на наш взгляд, в целом не противоречат концепции Л.Б. Алаева, поскольку история общины в Англии – что римского, что англосаксонского времен – это всё-таки процесс, и формы социальной и экономической организации кельтского и англосаксонского обществ на разных его этапах существенно различались. И если вести речь, к примеру, о кельтском обществе I в. до н. э., то так ли уж сильно отличались свойственные ему институты и отношения от тех, что были характерны, положим, для Рима эпохи царей или ранней республики, или, например, для греков эпохи архаики? Если же вести речь об англосаксонском периоде, особенно о его ранних этапах, то напрашивается вывод: раннесредневековая англосаксонская община вовсе не идентична «классической» общине времен того же Высокого Средневековья (не говоря уже о более поздних временах). Она представляет собой в первую очередь форму социальной (и политической, насколько применимо это понятие к тем временам) *территориальной самоорганизации* свободного сельского населения. В ее задачу входило прежде всего внутреннее, определяемое взаимоотношениями между отдельными домохозяйствами, обустройство сельского «мира» через улаживание на основе обычного права внутренних

конфликтов, исполнение общественно значимых функций, ритуалов (тех же самых пиров-братчин) и обязанностей, организация совместной защиты и т.п. Всё остальное появляется позднее (и М.В. Винокурова об этом пишет). Но можно ли в таком случае ставить знак равенства между этой общиной и общиной более поздних времен? На наш взгляд, безусловно, нет.

На моменты, связанные с регулированием в первую очередь общественных, социальных отношений между членами «территориальной общины» (термин, который применил П.Ю. Уваров [16, с. 49]) обращает внимание в своей реплике И.С. Филиппов, перу которого принадлежит ряд публикаций о средневековых общинах [см., напр.: 18]. Он отмечал, в частности, что «у членов общины было много общих дел помимо поземельных: поддержание элементарного правопорядка, санитарных норм, защита от врагов и хищных зверей, отношения с властями, отправление культа и т.д.» [см. 17]. При этом он подчеркивал, что с точки зрения современной науки, община представляется сложным институтом, суть которого не сводится только к регулированию поземельных отношений [17, с. 27], и «классическая» община применительно к Европе – продукт зрелого Средневековья, но никак не раннего (что обусловлено существенными различиями в условиях, в которых развивалось сельское общество и хозяйство раннего и зрелого Средневековья).

Любопытной представляется и реплика А.С. Щавелева [см. 19], который сравнивает мнения А.Я. Гуревича и Я.Д. Серовайского, имеющие прямое отношение к проблеме общины у германцев. На позиции А.Я. Гуревича стоит, на наш взгляд, остановиться подробнее, ибо Л.Б. Алаев прямо называет его одним из своих предшественников [1, с. 10], равно как и на мнении Я.Д. Серовайского.

А.Я. Гуревич еще в 1985 г. поставил под сомнение письменные свидетельства римских авторов, в первую очередь Цезаря и Тацита, характеризующие общественный строй и экономику германцев (которые

долгое время истолковывались как свидетельствующие в пользу изначального существования общины у германцев), поставив на первое по значимости место памятники археологические. По мнению Гуревича, «ключевые цитаты из “Германии” и “Записок о Галльской войне”, касающиеся аграрного строя германцев, – они представляются продуктами риторики или политической спекуляции в большей мере, нежели отражением действительного положения дел» [6, с. 29]. Основываясь на привлечении широкого круга источников (не только и даже не столько археологических – они выступают как дополнительное подтверждение аргументов, заимствованных из германской мифологии, лингвистики и других областей гуманитарного знания), А.Я. Гуревич в конечном итоге приходит к выводу, что непосредственной преемственности между германской «общиной» эпохи поздней Античности с ее «аграрным индивидуализмом» и «общиной» эпохи раннего Средневековья нет непосредственной преемственности (впрочем, это утверждение, на наш взгляд, достаточно спорно. – *В.П.*). Раннесредневековая община, какой ее рисует та же «Салическая правда», по А.Я. Гуревичу, «не коллектив больших семей или бывших сородичей, обладавших верховенством над обрабатываемыми ими пахотными землями, а скорее объединение соседей, которые раздельно владели своими наделами, но были заинтересованы в регулировании пользования угодьями». Эта «община», по А.Я. Гуревичу, «представляла собой пока еще рыхлую и слабо оформленную организацию, если сравнивать ее с общиной классического и позднего средневековья» [6, с. 61].

В концепции аграрного и связанного с ним общественного строя варваров-германцев, последовательно развиваемой А.Я. Гуревичем, обращает на себя внимание тот факт, подчеркнем это еще раз, что историк вовсе не отвергает с ходу данные письменных источников. Напротив, он активно их использует – даже тех же Цезаря и Тацита,

но использует в комплексе, сочетая и поверяя их сведения материалами, которые дают археология, лингвистика, изучение мифологии и фольклора. Поэтому, когда Я.Д. Серовайский пишет о том, что по мнению А.Я. Гуревича, «единственной надежной основой для изучения аграрных отношений германцев отныне могут быть лишь только данные археологии» [13, с. 7], он, (и вслед за ним А.С. Щавелев) несколько упрощает ситуацию. Но, на наш взгляд, в позиции Я.Д. Серовайского интереснее моменты, которые сближают его мнение с концепцией А.Я. Гуревича. Первый момент связан с замечанием относительно того, что борьба противников и сторонников «общинной теории» применительно к древним германцам (добавим от себя, и к поселянам раннего Средневековья как минимум) вращается вокруг «контroversы: коллективная – частная собственность» [13, с. 8], тогда как сам по себе вопрос о том, чем являлась «собственность» с точки зрения варвара-германца времен поздней Античности и раннего Средневековья, какой смысл вкладывался в это понятие, сам по себе является дискуссионным (и явно германец под «собственностью» понимал не то, что понимаем мы сегодня).

Я.Д. Серовайский развивает эту мысль дальше: «Археологические материалы и логика исследования должны были привести их (дискутирующих. – *В.П.*) к более широкой постановке вопроса: каково было отношение германского общества к окружающему ландшафту, в пределах которого производились заимки?». Поставив перед собой этот вопрос, историк сформулировал на него и ответ: «Элементы первозданной природы, где протекала жизнь германцев, не рассматривались ими в качестве самостоятельной ценности и считались ничейным пространством, на которое все имели неограниченные права» [13, с. 8]. Но, согласитесь, при таком отношении к окружающему миру рано или поздно неизбежно возникновение конфликтов между землепользователями и, следовательно, формирова-

ние определенных институтов, которые регулировали бы земельные споры – вот и более чем веский повод, причина, чтобы отдельные «хутора» образовывали некие сообщества-«общины», в рамках которых и разрешались бы такого рода споры! И эти сообщества – вовсе не крестьянские «общины» эпохи зрелого и тем более позднего Средневековья и Нового времени, существовавшие в жестких условиях аграрного перенаселения и давления со стороны властей и крупных земельных собственников.

Другой момент – это подчеркивание «трудового обоснования» права пользования землей и тем, что она производит. «Сама земля (“земля-материя”, по выражению Маркса) не представляла ценности для возделывателей (пока ее, этой земли, было много. – В.П.). Такое качество она приобретала лишь после приложения к ней труда, – отмечал исследователь, – в результате которого ее можно было использовать как пашню (осушение болота, расчистка, очистка от камней и т.п.), и сохраняла до тех пор, пока эти трудовые затраты были действительны» [13, с. 9]. Граница такого обработанного, окультуренного участка, как бы она не была выражена (ограда, забор, плетень и пр.) выступала зримым знаком принадлежности конкретного участка конкретному хозяину. Здесь напрашивается любопытная параллель с обычным правом русских крестьян конца XIX в., в котором право «собственности» возникало только тогда и только там, где «собственник» вложил или затратил определенные труд или усилия – в противном случае объект полагался ничейным, а значит, любой мог претендовать на него, равно как воровство с огражденного участка считалось преступлением, а с неогражденного – нет [3, с. 191-195].

Возвращаясь к замечаниям А.С. Щавелева, отметим, что, на наш взгляд, противопоставлять мнения А.Я. Гуревича и Я.Д. Серовайского всё же несколько некорректно. Они представляют два разных подхода к проблеме, предпринятые с разных

сторон, и оба подхода имеют точки соприкосновения (хотя с рядом положений Я.Д. Серовайского я все же не согласен – так, например, с его утверждением о «сотне» как структурном элементе родоплеменной организации, равно как и с тем, что «концепция Цезаря о германцах и, в частности, их аграрном строе выдержала испытание истории» [13, с. 30]). И конечно же, я не могу не обратить внимание читателей на конечный тезис реплики А.С. Щавелева, в котором формы землепользования и, соответственно, социальной организации увязываются в первую очередь с природно-климатическими условиями, экологией и агрокультурными задачами [19, с. 36].

Своеобразным, и в определенных моментах не менее ценным, чем сама работа Л.Б. Алаева и отклики на нее, «приложением» к дискуссии стали две статьи – П.Ю. Уварова «Общины, общности и медиевисты» и Ю.Я. Вина «Средневековая сельская община как объект концептуального изучения» [4; 16]. Первая (уже упомянутая выше) вносит в дискуссию вокруг работы Л.Б. Алаева определенный теоретический момент. Причину живучести «общинной теории» П.Ю. Уваров видит в том, что она представляет собой парадигму, то есть систему «научных установок, представлений и терминов», которая объединяла «большинство членов научного сообщества» и при этом была целостной и всё объясняющей (невольно вспоминается «единственно верное учение») [16, с. 44]. Попытки же обрушить ее, не предложив взамен столь же всеобъемлющей и всё объясняющей парадигмы потому и не имели успеха, что новая парадигма взамен старой так и не была создана. Можно ли создать новую парадигму – П.Ю. Уваров вслед за Л.Б. Алаевым сомневается в этом. Однако без некоего концептуального обобщения, на наш взгляд, всё равно не обойтись, и если вести речь о средневековой Европе, то, совершенно справедливо полагает П.Ю. Уваров, «разговора о средневековом “коммунитаризме” не избежать» [16, с. 45], благо средневековая сельская община в разных ее формах в

Европе была составной частью коммунального движения. «Община, – ссылаясь на мнение немецкого историка П. Бликле, продолжает П.Ю. Уваров, – основанная на взаимной присяге (*conjuratio*), предусматривала взаимопомощь, улаживание внутренних конфликтов, ритуальное соотрапезничество (и как тут не вспомнить русские братчины, регулярно встречающиеся на страницах актов конца XV–XVI вв. – *В.П.*) и хранение памяти об умерших членах» [16, с. 48].

Такая община возникает как ответ на давление со стороны сеньоров (П. Бликле) и как попытка заполнить возникший после распада каролингского «мира» вакуум власти (К. Уикхем), постепенно формализуясь и обретая легитимность в ходе этого коммунального движения. Не менее любопытным представляется и мнение французского историка Ж. Морсея, который увязывал формирование сельской общины с процессами *encellument* («объяснение»), охватившим немалую часть Западной Европы на исходе раннего Средневековья. Главным результатом этого процесса, отмечает П.Ю. Уваров со ссылкой на мнение Ж. Морсея, «стала более прочная фиксация населения и, как результат, усиление сеньориального контроля», причем для этой фиксации важным было не только и не столько насилие со стороны сеньора, «сколько предоставление хартий свобод и привилегий (франшиз) данной территории, обеспечение наследственных прав на землепользование и укрепление сакрального значения данного места за счет церкви и кладбища» [16, с. 49]. При этом «объяснение» вовсе не исключало сохранение существования «хуторов» и деревень-малодворок, поскольку «важна не скученность жилищ, но поляризация пространства вокруг церквей, кладбищ и замков», а община «определяется совместным использованием конкретного пространства, имеющего хозяйственную ценность» [16, с. 50]. В результате, полагал Ж. Морсель, возникает так называемая *communauté d'habitants* –

П.Ю. Уваров предложил перевести этот термин как «территориальная община».

Принимая термин, отметим, что, на наш взгляд, если вести речь именно об объединениях сельских жителей подобного рода, объединенных общими целями и задачами, то «территориальная община» возникает задолго до «объяснения». Другое дело, что в ходе *encellument* она обретает новые черты и новые функции. И это немудрено – в ее жизнь все более и более властно вмешиваются, с одной стороны, «сеньор» (светский или духовный), а с другой стороны – государство. Кроме того, на трансформацию «территориальной общины» оказывают воздействие и иные социально-экономические и культурно-религиозные процессы. В итоге, отмечает П.Ю. Уваров, «между началом XI и началом XIII в. Запад предстает в обновленном виде». К исходу этого периода «характерным становится фиксация жителей в системе территориальных общин и локальная укорененность аристократии (своего рода седентеризация и «благородных», и «подлых». – *В.П.*), чья политика и организация связей родства подчинена сохранению сеньориальной власти над данной территорией»

[16, с. 54]. В целом же, по нашему мнению, и «объяснение», и трансформация «рыхлой» «территориальной общины» раннего Средневековья, и ряд других процессов, связанных с внутренней трансформацией раннесредневекового общества – все они так или иначе связаны с выстраиванием новой, более жесткой и формализованной системы взаимосвязей внутри этого общества, его упорядочиванием, выстраиванием новых механизмов управления им и на высшем, и на низшем уровнях, в горизонтальной и вертикальной плоскостях.

Эти положения концепции Ж. Морсея, с которыми солидаризируется П.Ю. Уваров, весьма любопытно было бы приложить к русской действительности постмонгольского периода. Данные археологии [см., напр.: 11], писцовые книги, актовые материалы, наблюдения отдельных

историков [см., напр.: 8; 9] позволяют провести определенные аналогии с целым рядом положений этой концепции и поставить вопрос о ее применимости в русских условиях – разумеется, с поправкой на своеобразие социально-экономического и политического развития Русской земли в Средневековье и раннем Новом времени как «открытого» региона (В. Либерман).

И в завершение – несколько слов о материале Ю.Я. Вина, который выполнен в сравнительно-историографическом ключе. В своей работе исследователь дает обзор различных точек зрения относительно общины, ее определения, ее институциональных черт и свойств, а также основных направлений в изучении общины как исторического феномена в отечественной и в зарубежной историографии. Характеризуя нынешнее состояние «общиноведческих» штудий, Ю.Я. Вин отмечает, что «на нынешнем этапе развития исторической науки даже сугубо эмпирический подход к изучению сельской общины создает неизвестные прежде предпосылки для уяснения особенностей конкретных ее (общины. – В.П.) форм и разновидностей». При этом, продолжает свою мысль историк, исследования развиваются в двух основных направлениях – «с одной стороны, немало усилий приложено с целью установить ход эволюции общинного института и типологические признаки средневековой общины, с другой – определяется специфика отдельных ее региональных разновидностей» [4, с. 70-71].

Такой подход, в оценке ученого, безусловно, весьма плодотворен, но явно недостаточен, ибо как нетрудно заметить, накопление количественных знаний не переходит в рождение нового качества. Выход из этого тупика Ю.Я. Вин видит в развитии междисциплинарных исследований – «именно междисциплинарный и концептуальный подходы позволяют раскрывать своеобразие самых различных аспектов средневековой общины, конкретизировать формы ее развития в полном сопряжении со всем ходом общественно-исторического

процесса и всеобъемлющим спектром социальных отношений» [4, с. 71].

Подводя общий итог, отмечу, что выход в свет исследования Л.Б. Алаева и обсуждение выдвинутых историком тезисов на страницах «Средних веков», с одной стороны, подводят определенный итог предыдущей работы историков разных поколений и школ по исследованию общины как исторического феномена, а с другой стороны, намечают новые подходы и направления в этом поиске. Община (сельская в том числе, как частный случай этого исторического явления) представляется существенно более сложным феноменом, чем можно было представить, исходя из пресловутой «*общинной теории*». Была ли община – ответ на этот вопрос будет, конечно же, положительным. Да, была, но «община» общине рознь, и что из себя она представляла в конкретное время и конкретном регионе – это совершенно другой вопрос, требующий дополнительных *междисциплинарных* исследований и проработки с опорой в первую очередь на источники (на весь комплекс источников, включая сюда не только тексты), а не на заранее заданные в рамках совершенно устаревшей традиционной «общинной» парадигмы, и это главный вывод как монографии, так и дискуссии.

Остается надеяться, что изыскания в этой сфере будут продолжены с учетом высказанных мнений. В особенности это относится к общине русской, поскольку, как совершенно справедливо было замечено П.Ю. Уваровым, традиционные и во многом ошибочные взгляды на русскую общину, выведенные из «классической» «*общинной теории*», как на некое проявление исконной русскости, продолжают господствовать (и воспроизводиться) в общественном сознании. История русской общины еще ждет своего исследователя.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Алаев, Л.Б. *Сельская община. «Роман, вставленный в историю».* Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе. М.: ЛЕНАНД, 2016. 480 с.
2. Алаев, Л.Б. «Тезисы, выносимые на защиту» // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 15-17.
3. Безгин, В.Б. *Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян.* М.: Common place, 2017. 334 с.
4. Вин, Ю.Я. *Средневековая сельская община как объект концептуального изучения* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 63-76.
5. Винокурова, М.В. *Община: взгляд из Англии* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 18-21.
6. Гуревич, А.Я. *Аграрный строй варваров* // Гуревич А.Я. *Избранные труды. Древние германцы. Викинги.* СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 25-78.
7. Гуревич, А.Я. *О кризисе современной исторической науки* // Гуревич, А.Я. *История – нескончаемый спор.* М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 427-455.
8. Дегтярев, А.Я. *Русская деревня в XV–XVII веках. Очерки истории сельского расселения.* Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. 175 с.
9. Кивельсон, В. *Картография царства: земля и ее значение в России XVII века.* М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
10. Кун, Т. *Структура научных революций.* М.: АСТ, 2002. 608 с.
11. Макаров, Н.А. *Русь в XIII веке: характер культурных изменений* // *Русь в XII веке. Древности темного времени.* М.: Наука, 2003. С. 5-11.
12. *Приглашение к дискуссии: общности и функции* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 41-93.
13. Серовайский, Я.Д. *Сообщение Цезаря об аграрном строе германцев в соотношении с данными новейших археологических исследований* // *Средние века.* М.: Наука, 1997. Вып. 60. С. 5-36.
14. *Споры об общине* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 14-40.

15. *Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века* / Сост. А.Л. Хорошкевич. М.: Аквариус, 2015. 440 с.

16. Уваров, П.Ю. *Общины, общности и медиевисты* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 41-62.

17. Филиппов, И.С. *О пользе споров с призраками: отжившие представления об общине, которые все еще живы* // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 25-30.

18. Филиппов, И.С. *Община* // Филиппов И.С. *Средиземноморская Франция в раннее Средневековье. Проблема становления феодализма.* М.: Изд-во Скрипторий, 2000. С. 406-417.

19. Щавелев, А.С. «Кельтские поля» и германские общины: реплика к одной сноске из книги Л.Б. Алаева «Сельская община...» // *Средние века.* М.: Наука, 2017. Вып. 78 (3). С. 31-37.

20. Kollmann, N.S. *Crime and Punishment in Early Modern Russia.* Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

References

1. Alaeв, L. B. (2016), *Selskaya obshchina. "Roman, vstavlenniy v istoriyu". Kriticheskiy analiz teorii obschiny, istoricheskikh svidetelstv ee razvitiya I roli v stratificirovannom obschestve* [Rural community. "A novel inserted into history." Critical analysis of community theories, historical evidence of its development and the role in stratified society], LENAND, Moscow, Russia. (in Russ.)
2. Alaeв, L. B. (2017), "Theses submitted for defence" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 15-17.
3. Bezgin, V. B. (2017), *Muzhitskaya pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'yan* [Peasant truth. The customary law and court of Russian peasants] Common place, Moscow, Russia. (in Russ.)
4. Win, Yu. Ya. (2017), "Medieval rural society as an object of concept study" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 63-76.
5. Vinokurova, M. V. (2017), "Community: a view from England" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 18-21.
6. Gurevich, A. Ya. (2007), "Agrarian structure of the barbarians", *Izbrannye trudy.*

Drevnie germantsy. Vikingi [Selected works. The ancient Germans. Vikings], Publishing house of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 25-78. (in Russ.)

7. Gurevich, A. Ya. (2005), "On the crisis of modern historical science", *Istoriya – neskonchaya spor* [History is a never-ending dispute], Publishing house of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, 427-455. (in Russ.)

8. Degtyarev, A. Ya. (1980), *Russkaya derevnya v XV – XVII vekah. Ocherki sel'skogo rasseleniya* [Russian village in the XV-XVII centuries. Essays on the history of rural settlement], Publishing House of Leningrad University, Leningrad, USSR. (in Russ.)

9. Kivelson, V. (2012), *Kartografiya Tsarstva: zemlya i ee znachenie v Rossii XVII veka* [Cartography of the Kingdom: the land and its value in Russia of the XVII century], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (in Russ.)

10. Kuhn, T. (2002), *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The Structure of scientific revolutions], AST, Moscow, Russia. (in Russ.)

11. Makarov, N. A. (2003), "Rus' v XIII veke: kharakter kulturnykh izmeneny" (in Russ.), *Rus' v XII veke. Drevnosti temnogo vremeni* [Russia in the XIII century. Antiquities of the dark time], Nauka, Moscow, Russia, 5-11.

12. "Invitation to discussion: generality and function" (in Russ.), (2017), *Srednie Veka*, 78 (3). 41-93.

13. Serovaiskiy, J. D. (1997), "A Message to Caesar about the agrarian system of the Germans in relation to the data of the latest archaeological research" (in Russ.), *Srednie Veka*, 60, 5-36.

14. "Disputes about the community" (2017), (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 14-40.

15. Horoshkevich, A. L. (comp.) (2015), *Sud'by tvorcheskogo naslediya otechestvennykh*

istorikov vtoroy poloviny XX veka [The fate of the creative heritage of Russian historians of the second half of the twentieth century] Aquarius, Moscow, Russia. (in Russ.)

16. Uvarov, P. Ya. (2017), "Congregations, communities, and medievalists" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 41-62.

17. Filippov, I. S. (2017), "On the benefits of disputes with ghosts: outdated ideas about the community that are still alive" (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 25-30.

18. Filippov, I. S. (2000), "Community", *Sredizemnomorskaya Frantsiya v rannee Srednevekov'e. Problema stanovleniya feodalizma* [Mediterranean France in the early middle Ages. The problem of formation of feudalism], Publishing House Scriptorium, Moscow, Russia, 406-417. (in Russ.)

19. Schavelev, A. S. (2017), "Celtic fields" and the German community: remark to the same footnote from the book by L. B. Alayev "Rural Community..." (in Russ.), *Srednie Veka*, 78 (3), 31-37.

20. Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

ОБ АВТОРЕ:

Пенской Виталий Викторович, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskoj@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Vitaliy V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; penskoj@bsu.edu.ru